

К ПРОБЛЕМЕ РАЗЛИЧНЫХ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Н. С. Бажалкина

TO THE PROBLEM OF DIFFERENT APPROACHES TO THE DISCOURSE ANALYSIS IN MODERN LINGUISTICS

N. S. Bazhalkina

В данной статье методом критического анализа теоретической литературы рассматриваются различные подходы к изучению дискурса в зарубежной и отечественной лингвистике. Исследуется интерпретация дискурса во французской, немецко-австрийской, англо-американской и русской школах дискурсивного анализа. Акцентируется соотношение понятий «текст» и «дискурс» в рамках данных направлений, а также соотношение дискурса с такими понятиями, как «язык», «речь» и «диалог». Указываются сложности в определении дискурса, существующие в современном языкознании и обусловленные различными подходами к его изучению.

The attempt to investigate different approaches to discourse understanding in foreign and Russian linguistics based on the critical analysis of theoretical literature is made in this paper. Different approaches to the discourse analysis in the French, German and Austrian, Anglo-American and Russian schools of discourse are studied. Correlation between the notions of “text” and “discourse” as well as such notions as “language”, “speech”, “dialogue” are emphasized. Difficulties in definitions, caused by different approaches and existing in modern linguistics, are shown.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивный анализ, текст, коммуникация, подход к изучению.

Keywords: discourse, text, system, communicative unit, communicative function.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что проблема интерпретации дискурса и его соотношения с различными языковыми явлениями, такими как текст, речь, диалог и язык является одной из наиболее важных и спорных в современном языкознании, а дискурсивный анализ, при котором к исследованию предложения и текста привлекается социокультурная ситуация, – одним из приоритетных направлений. Цель данной работы – методом критического анализа теоретической литературы по данной теме рассмотреть различные подходы к пониманию дискурса в зарубежном и отечественном языкознании, что в свою очередь позволит понять причину сложности и многогранности этого термина. Новизна работы заключается в попытке выделить общие и различные для данных подходов черты и в том, что она вносит определённый вклад в понимание и развитие теории дискурса в отечественном языкознании.

С разграничением Ф. де Соссюром лингвистики на внешнюю и внутреннюю возникла необходимость анализа явлений, выходящих за рамки собственно языкознания. Дальнейшее развитие лингвистики речи и внешней лингвистики послужило причиной интердисциплинарности в научном познании и использования приёмов и методов других наук, что, наряду с синтезом когнитивного и коммуникативного подходов, обусловило широкую парадигму в исследовании дискурса. Появление данного термина на стыке ряда гуманитарных наук стало одной из причин наличия у него столь ярко выраженной многозначности. Более того, различная интерпретация термина «дискурс», за которой стоят разные подходы к его пониманию в зарубежном и отечественном языкознании, также усложнили его изучение и его соотношение с языковыми явлениями, прежде всего с такими как «текст» и «речь». Однако, необходимо отметить, что неодинаковая интерпретация указанных языковых явлений не противоречит и не исключает друг друга, а наоборот, взаимодополняет, внося определённый вклад в поиск такого многознач-

ного и высокоинформативного определения дискурса, которое могло бы использоваться в различных семантических системах.

Теория дискурса появилась как одно из основных направлений философии постмодернизма, объединяющее в себе философию языка, семиотику, современное языкознание (включая структурную лингвистику, психолингвистику и когнитивную лингвистику), прагматику, а также когнитивную социологию и когнитивную антропологию. Её изучение восходит к исследованиям употребления языка в немецкой школе (П. Вундерлих, П. Хартман и др.), социолингвистическому анализу коммуникации американской школы (Г. Закс, Э. Щеглов и др.), логико-семантическому описанию различного вида текстов французскими постструктуралистами (А. Греймас, Ж. Курте и др.), а также в работах М. М. Бахтина.

Французская школа анализа дискурса (П. Серю, М. Пеше, Г. Парре, Э. Бьюиссанс, Э. Бенвенист, А. Греймас, Ж. Курте и др.), чью методологическую основу составляет структурализм, возникла в 60-е гг. XX века и основывается в первую очередь на философском, историческом, социокультурном и политико-идеологическом исследовании дискурса, а не на собственно лингвистическом. Она ориентирована в большей мере на письменный нормативный тип текстов и сопоставляет высказывание (последовательность предложений) и дискурс (высказывание, рассматриваемое с точки зрения определяющего его дискурсивного механизма). В этой связи дискурс используется с переосмыслением дихотомии Ф. де Соссюра «язык – речь», при этом в оппозицию вступают система и индивидуальное творчество, образуя триаду «язык – дискурс – речь». Что касается соотношения понятий «дискурс» и «текст», необходимо отметить, что французская школа противопоставляет указанные явления по следующим критериям: процесс – продукт, диалогичность – статичность, актуальность – виртуальность.

В рамках данного направления дискурс изначально отождествлялся с речью или речевой коммуникацией, а позднее в его интерпретацию добавилось значение определённого типа высказывания, характерного для отдельной социально-исторической общности. По мнению Э. Бенвениста, дискурс – это «речь, присваиваемая говорящим, в противоположность «повествованию», которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания» [10, с. 550]. Сравнивая дискурс с обычным повествованием, Э. Бенвенист предпринимает попытку его коммуникативно-прагматического понимания, утверждая, что в дискурсе на первый план выдвигаются говорящий и слушающий, а также «намерение первого определенным образом воздействовать на второго» [3, с. 279]. Такая трактовка французским исследователем позволила понятию «дискурс» распространиться на все виды прагматически и социально обусловленной речи, отличающейся интенциями коммуникантов.

Французская школа традиционно выделяет следующие значения термина «дискурс»:

- 1) эквивалент понятия «речь»;
- 2) единица, по размерам превосходящая фразу;
- 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации высказывания;
- 4) беседа как основной тип высказывания;
- 5) речь с позиций говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции;
- 6) употребление единиц языка, их речевая актуализация;
- 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний;
- 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований условий производства текста [10, с. 26 – 27]. Этот список не является окончательным, что указывает на размытость границ в использовании термина.

В совместной работе А. Греймаса и Ж. Куртэ «Семиотика. Объяснительный словарь теории языка» представлены одиннадцать употреблений понятия «дискурс». При этом текст противопоставляется дискурсу и выступает как «высказывание, актуализированное в дискурсе, как продукт, как материя, с точки зрения языка, тогда как дискурс, по мнению авторов, есть процесс» [5, с. 389]. Более того, дискурс рассматривается в качестве объекта научной дисциплины «лингвистики дискурса или дискурсивной лингвистики» (*la linguistique discursif*), также отмечается, что в этом случае дискурс является синонимом тексту: «в некоторых европейских языках, не имеющих термина, эквивалентного франко-английскому «дискурс», его вынуждены были «заменить термином текст и, соответственно, говорить о лингвистике текста (*linguistique textuelle*)» [5, с. 488 – 489]. Важно отметить, что еще одно распространённое во французской школе понимание дискурса как совокупности текстов (К. Арош, П. Анри, М. Пеше) резко коррелирует с пониманием дискурса американским лингвистом З. Харрисом, благодаря которому понятие «дискурс» вошло в терминологию современной лингвистики.

Позднее, под влиянием философских идей М. Фуко, концепция которого основывается на «бессубъектном дискурсе» [12], т. е. когда дискурс не зависит от пользователей языка, а просто существует на уровне материальной субстанции, в понимание дискурса была

добавлена идеологическая составляющая, не связанная с принципами устройства и понимания текстов, а также речепроизводства. С этой точки зрения, дискурс воспринимается как внешнее пространство с включением в него различных характеристик, обуславливающих выход за пределы одного текста и проникновение в другие тексты, что подтверждается трактовкой М. Фуко, согласно которой дискурс представляет собой «сложную и дифференцируемую практику, подчиняющуюся доступным правилам и трансформациям, управляющую поведением тех, кто в него включен, создавая таким образом неразрывную связь с социальной реальностью» [12, с. 448].

Как итог, во французской традиции сложилось толкование дискурса как «интенционально обусловленного гетерогенного единства, реализующегося либо в виде устной речи как результат процесса взаимодействия коммуникантов в некотором социальнокультурном контексте, либо в виде письменного текста в разных его аспектах» [9, с. 166]. Таким образом, можно заметить, что французская школа, считающаяся одной из фундаментальных в исследовании дискурса, изучает его в широком аспекте, совмещая дискурс-анализ с другими направлениями и развивая новые подходы к анализу текста и смежных с дискурсом языковых явлений.

Социолингвистические подходы разработаны немецко-австрийской и американской школами, в которых исследования дискурса с семиотических и социологических позиций ведутся с точки зрения дискурсивных практик с целью выявления онтологии языка. Для немецко-австрийской школы дискурсивного анализа (Р. Водак, П. Вундерлих, З. Егер, У. Маас, Ю. Линк, П. Хартман и др.), основу которой составляет концепция представителя французской школы М. Фуко, приоритетным является языковая сторона процесса, а дискурс понимается как совокупность текстов одной тематики, выдвигающая на первый план их качественный (содержание), а не количественный состав, и рассматривается как языковое отображение политико-идеологической и социокультурной практики, «упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит особая, идеологически и национально-исторически обусловленная ментальность» [13, с. 13]. С этой позиции У. Маас определяет дискурс как «соответствующую языковую формацию по отношению к социально и исторически определенной общественной практике» [18, с. 204], таким образом отграничивая дискурс относительно некоторого периода времени, сферы человеческой практики, области знаний, типологии текста и т. д. Позднее Д. Буссе и В. Тойберт приводят похожую дефиницию, рассматривая дискурс как «совокупность текстов, связанных тематически, семантически, хронологически, типологически, относящихся к определенной коммуникативной сфере и включенных в исторический, культурный, социальный, экономический, политический и другие контексты» [14, с. 14].

С другой стороны, в рамках немецкой школы дискурс рассматривается как особое употребление языка, связанное с общественной практикой, «совокупность речевых действий в социокультурном и историческом контексте, в которых производятся и воспроизводятся коллективное знание, мышление, чувства, устремле-

ния, обязательства социальных групп в гетерогенной языковой общности» [17, с. 94], что уводит его от соотношения с текстом.

Еще более социально направленные, а не собственно лингвистические исследования видим в дискурсивном анализе американской школы (Дж. Браун, Т. ван Дейк, Н. Фэрклоу, Г. Закс, З. Харрис, Д. Шиффрин и др.), берущей свое начало в антропологии и основанной на методологии интеракционизма, в котором лингвистика, взаимодействуя с социологией и психологией, ставит своей целью выявление коммуникативных намерений отправителя и получателя сообщения. В рамках данного направления дискурс приравнивается к диалогу и понимается как связная речь («connected speech» по З. Харрису) и как дискурсивная практика, «включающая производство и восприятие текстов и осуществляемая в рамках широкого социального контекста (социальной практики)» [11, с. 110 – 111]. В статье «Дискурс-анализ» (1952) З. Харрис понимает дискурс с чисто формальной точки зрения в рамках структуралистской парадигмы, без учета коммуникативного контекста и социальных факторов, как последовательность предложений, «большого текста, чем предложение» [16, с. 3], таким образом, предпринимая попытку выйти за границы предложения, при этом не ограничивая дискурс в объеме и относя к нему как диалогические, так и монологические высказывания. Необходимо отметить, однако, что в таком понимании дискурс в большей степени соответствует тексту в немецкой лингвистической традиции.

Исследования американской школы, как уже было указано выше, направлены в первую очередь на устную коммуникацию, имеющую вербальные и невербальные составляющие, на интерактивное взаимодействие адресанта и адресата сообщения. В связи с этим М. Стаббс выделяет три основные характеристики дискурса: 1) в формальном отношении это – единица языка, превосходящая по объему предложение; 2) в содержательном плане дискурс связан с использованием языка в социальном контексте; 3) по своей организации дискурс интерактивен, т. е. диалогичен [19, с. 1]. Более того, в отличие от классического понятия «диалог», непосредственный личный контакт собеседников не обязателен.

Т. ван Дейк определяет дискурс в нескольких аспектах: «дискурс в широком смысле (как комплексное коммуникативное событие), дискурс в узком смысле (как текст или разговор), дискурс как конкретный разговор, дискурс как тип разговора, дискурс как жанр и дискурс как социальная фармация» [15, с. 194]. Сам лингвист объясняет такую размытость в определении границ дискурса «как условиями формирования и бытования данного термина, так и неопределенностью места дискурса в системе категорий языка» [15, с. 46], подчёркивая тем самым, что дискурс связан непосредственно с речью, а текст – с системой языка.

Что касается отечественного языкознания, сконцентрированного в отличие от западного преимущественно на вопросах внутренней лингвистики, то, несмотря на то, что само слово «дискурс» было известно в русском языке еще примерно с конца XVIII века, а использование прилагательного «дискурсивный» в научной речи – с конца XIX, непосредственное исследование дискурса началось значительно позже. Одно-

временно с развитием теорий дискурса на западе в России формируется сначала лингвистика текста (как отдельная дисциплина) и как продолжение ее идей во второй половине XX века – дискурсивный анализ, позволивший изучать языковые единицы не в закрытой системе, характерной для системно-структурной парадигмы, а в деятельности, в процессах познания и общения, в системе «язык – речь» с учетом социального взаимодействия людей. Особая роль в развитии теории текста, и впоследствии дискурса, в России принадлежит М. М. Бахтину и Ю. М. Лотману, однако заложенные еще в начале XX века В. Я. Проппом в работе «Морфология волшебной сказки» (1928) основы морфологии текста в дальнейшем вдохновили развитие дискурсивной теории.

Несмотря на то, что варианты словосочетаний с прилагательным «дискурсивный» фигурируют в работах по психолингвистике и лингвопрагматике еще начала XX века, окончательно термин «дискурс» закрепился в отечественном языкознании только в начале 80-х гг. (с выходом восьмого номера журнала «Новое в зарубежной лингвистике») как синоним понятию «текст». До этого периода, в 50 – 60-е гг. XX века задачи лингвистики текста сводились к ограничению текста от других единиц, формальному описанию организации текстового целого и вычленению элементов его структуры. В отличие от западных школ, вопросы противопоставления текста и дискурса в то время, так же, как и коммуникативной функции текста, не были актуальными. Следовательно, на начальном этапе дискурсивного анализа в России исследования дискурса осуществлялись в рамках внутренней лингвистики без учёта социальных и психических факторов.

Так, со структурно-синтаксической точки зрения рассматривает дискурс В. А. Звегинцев, понимая его как «два или несколько предложений, которые находятся в смысловой связи друг с другом (сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, абзац), при этом связность рассматривается как один из основных признаков дискурса» [7, с. 16]. Похожее определение дискурса видим у Т. М. Николаевой: 1) связный текст; 2) устная разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная [8, с. 467]. Такой структурно-функциональный подход акцентирует соотношение «дискурс» – «недискурс» на основании формальных показателей языковых единиц без учёта внешнего контекста.

М. М. Бахтин, рассматривая диалогичность текста, заложил основы теории дискурса, утверждая, что «речь или дискурс могут быть описаны как диалог – переключки разных голосов» [1, с. 310]. Более того, согласно концепции исследователя, реальной единицей коммуникации является текст как высказывание.

Попытка акцентировать коммуникативную направленность и смысловую целостность дискурса предпринимается в определении В. Г. Борботько, несмотря на указание исследователем равнозначности данных понятий: «Дискурс – тоже текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование» [2, с. 8]. Исследователь считает дискурс-

сом «текст рассказа, статьи, выступления, стихотворения» [2]. Позднее А. И. Варшавская предлагает трактовку текста как «процесса языкового мышления, а дискурса – как результата или продукта этого процесса» [4, с. 24].

Примерно в начале 90-х гг. в мировом языкознании происходит смена научной парадигмы, которая требует изучения языкового материала с точки зрения прагматики, антропоцентричности и социальности, что привело «к общей тенденции к интеграции гуманитарных исследований» [6, с. 75]. Это обусловило дальнейшее исследование как зарубежными, так и российскими лингвистами коммуникативной функции текста и его связи с речемыслительной деятельностью, а также «интерес к речевому употреблению и субъективному аспекту речи» [6, с. 75]. Дискурсивный анализ занял один из центральных разделов лингвистики, а текст окончательно стал рассматриваться российскими исследователями как форма коммуникации и интерпретироваться как составляющая дискурса, в то время как речь – пониматься как социальное действие.

Анализ теоретической литературы показывает, что традиционно в современной лингвистике в зависимости от исследовательских задач дискурс интерпретируется либо в широком понимании как коммуникативный процесс между говорящим и слушающим с учетом определенного социального контекста, приводящий к возникновению текста; либо в «узком» понимании как текст или совокупность текстов (устных и/или письменных) одной тематики (юридический дискурс, педа-

гогический дискурс, политический дискурс и т. д.), т. е. как продукт коммуникативного процесса. В силу сложности данного термина и его необычайной «популярности», зачастую приводящей к его бездумной эксплуатации, на наш взгляд, изучение дискурса необходимо проводить не только акцентируя его социальную направленность, но и в рамках внутренней лингвистики, в соотношении с такими явлениями, как язык, речь, диалог и текст. На наш взгляд, с точки зрения когнитивной лингвистики и лингвопрагматики, дискурс является саморазвивающейся системой, одним из обязательных компонентов которой является текст как результат социально ориентированной и обусловленной коммуникативной деятельности с учетом его социально-ситуативных и культурно-исторических характеристик; с точки зрения его структуры дискурс представлен совокупностью текстов определенной тематики и коммуникативной общности, при этом смысл каждого конкретного текста, входящего в систему дискурса, не является суммой значений составляющих его языковых единиц, а является более широким образованием, освоенным индивидуальными авторскими интенциями и экстралингвистическим фоном.

Таким образом, различные подходы к пониманию дискурса стали одной из причин, по которой данный термин до сих пор не получил однозначного и четкого определения, обусловив при этом сложности в его соотношении с другими языковыми явлениями. С другой стороны, они же способствовали становлению нового этапа в развитии современной лингвистики.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 310 с.
2. Борботько В. Г. Элементы теории дискурса. Грозный, 1981. 117 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
4. Варшавская А. И. Смысловые отношения в структуре языка (на материале современного английского языка). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. 136 с.
5. Греймас А. Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Степанов Ю. С. (ред.). Семиотика (сб. переводов). М.: Радуга, 1983. С. 483 – 550.
6. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
7. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Издательство московского университета, 1976. 307 с.
8. Николаева Т. М. Лингвистика текста: Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. (Серия: Лингвистика текста). С. 467 – 472.
9. Рыжкова Л. П. Французская прагматика. М.: URSS, 2007. 236 с.
10. Серио П. Как читаются тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 12 – 53.
11. Филлипс Л. Йоргенсен М. В. Дискурс анализ: теория и метод. Харьков: Изд-во Гуманитарного центра, 2004. 336 с.
12. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. 206 с.
13. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.
14. Busse D., Teubert W. Ist Diskurs ein sprachwissenschaftliches Objekt? Zur Methodenfrage der historischen Semantik // Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik / ed. D. Busse et al. Opladen, 1994. S. 10 – 28.
15. Dijk T. A. van. Ideology. A multidisciplinary approach. London: Sage, 1998. 365 p.
16. Harris Z. Discourse analysis // Language. 1952. V. 28. № 1. P. 1 – 30.
17. Hermanns F. Sprachgeschichte als Mentajitaetsgeschichte. Ueberlegungen zu Sinn und Form und Gegenstand historischer Semantik // Gardt A., Mattheier K. J., Reichmann O. Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen. Gegenstaende, Methoden, Theorien. Tuebingen: Niemeyer, 1995. S. 69 – 101.
18. Maas U. Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand: Sprache im Nationalsozialismus. Versuch einer historischen Argumentationsanalyse. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984. S. 261.
19. Stubbs M. Discourse analysis: the sociolinguistic analysis of natural language. Chicago: University of Chicago Press, 1983. P. 272.

Информация об авторе:

Бажалкина Наталья Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Московского государственного областного университета, bazhalkina@bk.ru.

Natalia S. Bazhalkina – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Moscow State Regional University.

Статья поступила в редколлегию 12.10.2015 г.